УДК 9.94(430)

И. И. Баринов

Феномен «Ост» в политической философии национал-социализма

На протяжении достаточно долгого времени в интеллектуальной и социальной мысли разных стран и времен применительно к реалиям, относящимся к немецкому национально-политическому и государственному строительству до 1945 г., фигурирует ряд пространственных императивов, связанных с географическим Востоком (*Ost*). Ранжир этих императивов достаточно широк и наиболее известен так называемый «натиск на Восток» (*Drang nach Osten*). Зачастую клише, связанные с этим явлением, используются без надлежащего анализа сложных и специфических обстоятельств их формирования. Более того, одни и те же конструкты в разных обстоятельствах могли использоваться для обозначения совершенно разных по своей сути явлений. Неизменной при подобной концептуализации оставалась лишь пространственная компонента, трансформировавшаяся в зависимости от того или иного господствовавшего социального заказа.

Роль границы в жизни древних германцев подчеркивалась еще авторами XVIII в.[1] В ходе конструирования политической нации в Германии во второй половине XIX в. вопросы четкой границы и одновременно ее расширения наложились друг на друга. Это дало жизнь устойчивому нарративу о стремлении на Восток как одному из краеугольных камней развития германского духа. Одновременно в этом нарративе придавалось особое значение маркам как форпосту продвижения и закрепления приобретенных территорий и средству сдерживания внешней экспансии.

[1] *Schäfer Ch. L.* Beyträge zur Vermehrung der Käntniß der teutschen Alterthümer. Quedlinburg, 1764. S. 29.

В реальности же расширение границ не было уникальным немецким явлением. Рассматривая роль границы в европейском понимании окружающего мира, немецкий исследователь Ханс-Юрген Карп отмечает, что восточная колонизация была общеевропейской тенденцией, а установление линеарных границ, ввиду относительно небольшого количества естественных, стало ведущим понятием этой колонизации. «Геометрическая педантичность» в разграничении слабозаселенных пространств пустошей и лесов, разительно отличавшихся по геоморфологической структуре от привычных мест, стала стержнем изучения и понимания Востока[2]. Петер Крюгер идет дальше, указывая, что восточная колонизация немцев в позднейшее время строительства национального государства была «облечена в миф». В этой связи исследователь задается вопросом, насколько средневековый опыт соотносим с категориями времен Модерна, в том числе «синдромом границы», когда мнимую незащищенность пространства на Востоке следовало решить его повторной колонизацией[3], своего рода Реконкистой по-немецки.

«Ост»: особенности формирования понятия

Характерной чертой ранней истории Европы было то, что до определенного времени контакты групп людей между собой были спорадическими, что подразумевало существование обширнейших неосвоенных территорий в Европе. Сплачивание вокруг очагов цивилизации приводило к еще большему запустению пространства. В результате Европа, по словам известного французского историка Жака Ле Гоффа, разложилась на «самодовлеющие мирки», при этом следствием потери экономических связей между различными регионами стала аграризация населения[4].

Достаточно скоро, однако, ситуация начала меняться. Рост населения германских земель и порядок наследования стали причиной нехватки пахотных наделов и обусловили переход к форсированной внешней колонизации с целью получения жизненных ресурсов. Импульсом к ней стали и более позитивные факторы, такие как завершение переселения народов, внутренняя политическая консолидация германских государств и установление относительной политической стабильности в Европе в целом. Активное проникновение немецких колонистов на север, северо-восток и восток шло с XIII по XV в. Именно в ходе продвижения вглубь славянских и балтских земель начало складываться (еще без специфической идеологической нагрузки) и понятие «Ост».

[2] *Karp H.-J.* Grenzen — ein wissenschaftlicher Gegenstand // Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. Marburg an der Lahn, 2000. S. 11.

[3] *Krüger P.* Der Wandel der Funktion von Grenzen im internationalen System Ostmitteleuropas im 20. Jahrhundert // Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. S. 40, 48, 51.

[4] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2007. С. 35.

В литературе и в политическом лексиконе немецкий «Восток» ассоциируется прежде всего с клише *«натиск на Восток»*, которое, по справедливому замечанию Вольфганга Випперманна, рассматривается в не-немецкой историографии как «эпохальное трансцендентное понятие»[5]. Критикуя распространенность данного термина, Випперманн указывает, что оно имеет позднейшее происхождение и появилось в середине XIX в. в западнославянских публикациях. Подобную трактовку явления немецкой колонизации автор обозначает как «национальный стереотип», указывая на то, что определенные тезисы и теории упорядочивались и интерпретировались в ретроспективе. Кроме того, Випперманн подчеркивает, что в реальном процессе главенствующее место занимали социально-экономические, а не этнические или национально-политические реалии[6]. Предваряя высказывания Випперманна, Освальд Шнайдер указывал на то, что само понятие «германский Восток» несет прежде всего культурную, а не политическую окраску[7].

Следует отметить, что Шнайдер оперирует позднейшим конструктом, получившим распространение уже во времена нацизма, а Випперманн выделяет социальные и экономические величины в отрыве от остальных категорий. В этой связи Марк фон Хаген справедливо указывал на важность фокусирования внимания на окраинах, где наличествует «огромное множество взаимодействий», более адекватно отражающих историю региона, и пограничьях, по которым идут большинство континентальных конфликтов[8]. По замечанию Альфреда Рибера, существует связь между границей, которую в географическом и психологическом плане представлял «Ост», и самим характером цивилизации[9]. Это весьма существенный момент, который позволяет говорить о первоначальном «восточном» импульсе как попытке немцев, отталкиваясь от исторически сложившегося окружения, не просто ощутить самих себя в пространстве, но и структурировать себя.

Таким образом, условный «натиск на Восток» содержал в себе ряд сущностных особенностей культурно-исторического, социально-экономического характера и, не в последнюю очередь, ментального свойства. Взаимопроникая и накладываясь друг на друга, они образовали уникальную идентичность не только германской окраинной территории, но и самого понимания места и роли пространства и границы в этнонациональном конструировании немцев.

Противником восточных устремлений, по крайней мере до начала XVIII в., выступала Священная Римская империя. Выдвижение Пруссии как наиболее

---

5 *Wippermann W.* Der «Deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1981. S. 1.

6 Ibid. S. 4–15.

7 *Schneider O.* Osteuropa und der deutsche Osten. Köln, 1953. S. 28.

8 *Хаген М. фон.* Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 130, 155–156.

9 *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 201–202.

экономически и политически развитого германского государства в первой половине XVIII в. обозначило весьма любопытный парадокс. Во многом сформированная французской культурой времен Просвещения толерантная политика Пруссии времен Старого Фрица выражалась в резко негативной реакции короля на издание германского эпоса о Нибелунгах[10]. Вместе с тем ей сопутствовала длительная политическая традиция восточной колонизации, в целом воспринимавшаяся позитивно. Именно это подавление национального при наличии параллельной традиции, как считает Рибер, позже обозначило в Германии роковой «запоздалый переход» к этнолингвистическим границам[11].

Тем временем в последней трети XVIII — первой четверти XIX в. в истории Пруссии произошли события, во многом определившие дальнейшее развитие концепции «Ост». Ими стали разделы Речи Посполитой и Наполеоновские войны. В первом случае вхождение в состав Пруссии территорий со значительным польским населением обусловило возникновение интеллектуального тренда, согласно которому традиции Тевтонского ордена стали описываться позитивно, чтобы уберечь местных немцев от полонизации[12], придав им статус структурирующего этнического субстрата. Это впоследствии привело к четкому разграничению немецкого и славянского населения (характерному, кстати, не только для Пруссии, но и в какой-то мере для Австрии) и образованию между ними символической границы. Среди ее структурных элементов польский историк Губерт Орловский особо выделил «аксиологическую асимметрию»[13], целью которой было одновременно этническое и ментальное размежевание.

С другой стороны, разгром Пруссии Наполеоном и участие пруссаков в последующей борьбе с Францией вылились в небывалый подъем национального романтизма. Идеи Гердера о «народном духе» и Фихте о германском мессианстве были структурированы и соотнесены со средневековыми реалиями Карлом Менцелем в его капитальной «Истории немцев» (1815–1823). Фридрих Шлоссер и Вильгельм Циммерманн отождествляли германские походы на Восток с освоением Америки[14], а Август Шлегель прямо говорил о том, что «славяне предназначены для рабства»[15]. Эти идеи впоследствии были закреплены Генрихом фон Трейчке в его эссе «Пруссия — земля Тевтонского ордена» (1862)[16] и Фридрихом Мейнеке в работе «Космополитизм и национальное государство» (1908)[17].

[10] *Wolfram E.* Die germanischen Heldensagen als Entwicklungsgeschichte der Rasse. Stuttgart, 1922. S. 9.

[11] *Рибер А.* Указ. соч. С. 212.

[12] *Wippermann W.* Op. cit. S. 22.

[13] Цит. по: *Karp H.-J.* Op. cit. S. 17.

[14] *Wippermann W.* Op. cit. S. 34.

[15] Ibid. S. 26.

[16] *Burleigh M.* Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988. P. 4–6.

[17] *Paddock T.* Creating the Russian Peril: Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester (N.Y.), 2010. P. 12.

Со временем среди провинциальных немецких историков и краеведов, не в последнюю очередь уроженцев бывших пограничных территорий (Людвиг Гизебрехт, Карл Фердинанд Фабрициус), распространилась теория о прагерманском населении восточной окраины, подавленном славянами[18]. Эта идея впоследствии была подхвачена нацистами, указывавшими, что именно немцы когда-то принесли на Восток «нордическую кровь и гордое свободолюбивое сознание»[19]. Одновременно подчеркивалась особая роль прусской восточной традиции в истории германской государственности[20].

Подобное теоретизирование, скептически именовавшееся немецкими авторами «тевтонским патриотизмом»[21], являлось не только выражением самого духа эпохи. Потребность же в национальной самоидентификации помимо самых различных интеллектуальных обоснований определяла влияние вненаучных факторов и самой социальной среды. Теория возникновения нации и государственной стабильности вследствие постоянной корректировки границы не была уникальной для Германии. Она соотносилась с размышлениями американского автора Фредерика Тёрнера (1861–1932) о роли территориальной экспансии в формировании нации. Не случайно популярный в свое время национал-либеральный автор Густав Фрейтаг сравнивал выходцев из приграничных польских территорий с индейцами «из прерий Миссури»[22].

Помимо вопроса о «народном духе» и сопутствующих ему ментальных характеристиках (во времена нацизма всё это будет обозначаться термином *Volkstum*) не менее насущным оставался вопрос и о самой «немецкой земле» (*Volksboden* или, как ее впоследствии называли в противовес «дикому Востоку», *Kulturboden*). Как отмечает А. Саммартино, территория, игравшая большое значение в идеологии национального государства XIX в., обусловила «общую эмблематичность границ» как вершины достижений государства. Вместе с тем собственно «графическое выражение проецируемой государственной власти» для многих националистов было «символом незавершенности национального проекта», что позволяло «мобилизовать мощные националистические эмоции»[23]. В условиях сложившегося германского политического нарратива, в том числе триединства «нация — государство — территория», потеря соответствия государства и территории, отрыв части нации от ее общего тела, уже

[18] *Wendt G.* Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisirung. Göttingen, 1878. S. 4–5.

[19] *Beyer H.J.* Aufbau und Entwicklung des ostdeutschen Volksraums. Danzig, 1935. S. 17.

[20] *Darré R. W.* Die Grundlagen des preußischen Staatsbegriffes. Goslar, [1936]. S. 3, 9.

[21] *Wendt G.* Op. cit. S. 22.

[22] Цит. по: *Thum G.* Imperialists in Panic: The Evocation of Empire at Germany's Eastern Frontier around 1900 // Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization. Göttingen, 2013. P. 148.

[23] *Sammartino A.* The Impossible Border: Germany and the East, 1914–1922. Ithaca (N.Y.) — London, 2010. P. 3–5.

воспринимались как кризис государственности[24]. Во времена нацизма Востоку отводилась ключевая политическая роль почвы для возникновения «судьбоносной спайки» народа и государства[25].

Именно эти эмоции, помноженные на господствовавшие в конце XIX — начале XX в. в немецкой интеллектуальной среде тренды осмысления реальности, выкристаллизовались в концепцию, которую фон Хаген обозначил как «ориентальную презумпцию»[26]. Согласно ей, «Ост» стал чем-то примордиальным, своего рода антропологической константой германских устремлений. Эта константа коренилась в самих метафизике и философии немецкого пограничного пространства. В этом контексте не только немецкий народ, но и государство немцев логично представлялись эссенциальными и естественными «нерефлексируемыми силами и одновременно явлениями», которые «исходят из самих глубин бытия»[27].

В период Третьего рейха эта априорная величина была переосмыслена в биологическом ключе. «Отец» геополитики Карл Хаусхофер отмечал, что немцам необходимо «культурно-географическое чувство границы», так как граница не только «определяет многие жизненные явления», но и сама по себе является «жизненной формой»[28]. В национал-социалистическом дискурсе эта идея обозначала восточные районы Германии как «заслон против опасности с Востока»[29] и германский «фронт» против натиска расово чуждых народов[30]. Символическим и чрезвычайно симптоматичным стало выражение германского военного атташе в Москве Эрнста Кёстринга о том, что Азия начинается на Силезском вокзале Берлина[31].

«Ост» и немецкие политико-демографические практики

В идеях об «Осте» как цивилизационном водоразделе имели свой исток многие колонизационные и почвеннические концепции, популярные как у консервативной, так и у национал-либеральной частей германского общества рубежа XIX — начала XX в. В это время «проведение реальных или

[24] Ibid. P. 13.

[25] *Hillen Ziegfeld A.* Die Grenzen der Deutschen im Ostraum // Der deutsche Osten. Berlin, 1936. S. 45.

[26] *Хаген М. фон.* Указ. соч. С. 133.

[27] *Ziesché K.* Das metaphysische Problem des deutschen Ostens // Der deutsche Osten und das Abendland. München, 1953. S. 211–212.

[28] *Хаусхофер К.* О геополитике. М., 2001. С. 17, 115.

[29] *Kopp F.* Deutschland, Europas Bollwerk im Osten: Germanische Leistungen für Europas Sicherheit. München, 1939. S. 12, 15.

[30] *Maschke E.* Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum. Leipzig, 1933. S. 47.

[31] Цит. по: *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал. М., 2004. С. 34.

воображаемых границ на Востоке для немцев стало проблемой национального строительства»[32].

Тем не менее по отношению к «Осту» существовала определенная неуверенность. Так, Грегор Тум указывал, что на заре XX в. немецкий дискурс на восточном пограничье «был склонен к образам, которые колебались между страхом и мегаломанией»[33], т.е. в данном случае между боязнью столкновения со славянским большинством и навязчивым стремлением к обширной реколонизации. А. Саммартино приходит к тому же, упоминая о сочетании в немецком сознании «утопических мечтаний» и ужаса перед «апокалиптической опасностью» Востока[34]. По словам Рибера, Германия оказалась «в ловушке мало- и великогерманского подходов», когда в первом случае слишком много немцев остается за ее пределами, а во втором — слишком много не-немецкого элемента оказывается в ее пределах[35].

Начавшаяся I мировая война, как казалось, создала условия для апробации новой колонизационной модели. В ходе германского наступления летом–осенью 1915 г. была занята значительная часть западных регионов Российской империи. Они получили оперативное собирательное наименование «Главнокомандование Восток» — *Ober-Ost*. Намерение властей утвердить на оккупированной территории превосходство Германии было подхвачено рядом интеллектуалов. В своих работах они требовали проведения политики «естественного продолжения» территории Германии на восток для оттеснения России к допетровским границам[36], а оттуда — продвижения на подлинный Восток, в азиатскую часть России, чтобы соотнести колонизацию с установлением континентальной гегемонии[37].

Организация необходимого культурного ландшафта на Востоке подразумевала «притяжение территории через ее обустройство» по германскому образу и подобию[38]. «Преобразование» захваченных районов шло по двум направлениям. С одной стороны, по словам историка В. Люлявичуса, германское командование стремилось инструментализировать неприятные впечатления значительной массы германских солдат на Востоке от чуждой среды, а также мобилизовать их внутреннюю дезориентацию, чтобы «заново обустроить» оккупированные территории[39]. Наряду с этим не меньшую роль в германизации

[32] *Рибер А.* Указ. соч. С. 212.

[33] *Thum G.* Op. cit. S. 146.

[34] *Sammartino A.* Op. cit. P. 15.

[35] *Рибер А.* Указ. соч. С. 212.

[36] *Leonhard K.* Wie kann dem deutschen Osten geholfen werden? // Osteuropäische Zukunft. 1916. N 11. S. 164.

[37] *Daya W.* Aufmarsch im Osten. Dachau, 1918. S. 1, 3.

[38] *Ziesché K.* Op. cit. S. 217.

[39] *Liulevicius V. G.* Die deutsche Besatzung im 'Land Ober Ost' im Ersten Weltkrieg // Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. Paderborn, 2006. S. 93.

«новых остмарков» должны были сыграть крестьяне. Именно земледельческий потенциал должен был спасти «Ост» от «гидры крупных городов и крупной промышленности»[40]. Вместе с тем существовали и альтернативные проекты, нацеленные на индустриализацию Востока. На обусловленные аграрным характером местного общества пережитки указывалось как на тормоз экономического развития всего пространства[41], считалось, что лучшим вариантом стало бы поглощение индустриальной Германией «идеально подходящей ей» аграрной России[42].

Новая эпоха в осмыслении Востока открылась в Германии после окончания I мировой войны. События 1914–1922 гг., в ходе которых «выдуманное единство» нации, государства и территории рухнуло, оказались и для интеллектуалов, и для широких масс неприятным сюрпризом[43]. Последовавшие социальные и демографические катаклизмы стали причиной переосмысления представления о территории и идентичности. Поражение Германии в войне и потеря не только прежде оккупированных, но и ранее входивших в состав империи территорий стали основой для лозунгов о возвращении утерянных земель, а также расширении жизненного пространства и переустройстве его по немецкому образцу. Тогда, по мнению Ханса-Адольфа Якобсена, произошла «абсолютизация нации» (в нацистском понимании) как реакция на поражение в войне[44]. Передача части территории бывшей Германской империи Польше совпала с казавшимся нескончаемым потоком беженцев с Востока, на плечах которых в Германию был готов ворваться дух большевизма, несущий мировую революцию и дестабилизирующий границы и идентичности. И то, и другое вызывало у немалой части немецкого общества неподдельный ужас[45].

Впоследствии именно на этой волне нацисты сумели придать идее «германского Востока», ранее продвигавшейся по большей части консерваторами, общенациональное звучание. Возвращение «восточных территорий» было закодировано в терминах «задача» (*Aufgabe*) и «возрождение» (*Aufbau,* нередко *Aufbau im Osten*). Именно эти слова-символы на фоне традиционной германской академической метафоричности заложили основу для того лексикона, который впоследствии дал Виктору Клемперу широкое поле для семиотических исследований. К сожалению, эта традиция не находит применения в современной российской историографии. Так, общее название мероприятий по уничтожению польской интеллигенции в 1939/40 гг. — *Ostarbeit* — и создание соответствующих ведомств для этого переводится дословно как «Институт

[40] *Leonhard K.* Op. cit. S. 161.

[41] *Muskate F.* Die Industrialisierung des deutschen Ostens. Graudenz, 1914. S. 4–5.

[42] *Daya W.* Op. cit. S. 11, 13.

[43] *Zernack K.* Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977. S. 21; *Sammartino A.* Op. cit. P. 3.

[44] *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, 1968. S. 2.

[45] *Sammartino A.* Op. cit. S. 9, 154.

немецкого восточного труда» (*Institut für deutsche Ostarbeit)*[46], тогда как семиотически верный разбор этого конструкта встречается еще в литературе социалистических времен[47].

Смешивая понятия «нация» и «раса», нацистские теоретики особо выделяли «расовую ценность» пограничья[48]. Тезису об уникальности цивилизационного ландшафта, сложившегося в результате германской восточной колонизации, была придана биологическая основа, когда германская «расовая душа» определила особый «германский восточный тип мышления»[49]. Произошла важная с семантической точки зрения подмена понятий «прусский Восток» (*preussischer Osten*) на «германский Восток» (*deutscher Osten*), а также выдвинулось на передний план понятие *Ostmark* («остмарк, восточная граница»).

«Остмарк» как ментальный императив

Понятие «остмарк» встречается для обозначения прежних пограничных территорий германских земель уже в 1820-х гг.[50] К началу XX в. оно уже прочно вошло в лексикон политической публицистики[51]. Так, в это время «земли Остмарка», по мнению консервативных авторов, были призваны остановить «затопление Германии вплоть до ворот Берлина» поляками и шире — славянами[52]. Уже при нацистах «Остмарк» укоренится в качестве обозначения Австрии после ее вхождения в состав рейха в марте 1938 г. Это наименование было принято по аналогии со средневековым названием Австрийского герцогства, частично граничившего со славянскими землями.

Сам топос пограничного пространства в националистическом, а затем и нацистском дискурсе априори имел значение «защитного вала» и являлся средством создания определенной групповой идентичности. Употребление данного понятия после аншлюса Австрии было продиктовано желанием наполнить слепок со средневековья, проистекающий из самой семантики слова (*Ost* как географический Восток и *Mark* как обметка, маркировка границы), специфическим этнорасовым смыслом, представить границу как некую «живую» организацию[53].

[46] *Леус П. М.* Археологи Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов: сборник материалов. Калининград, 2008. С. 225.

[47] *Fiedor K.* Bund Deutscher Osten w systemie antypolskiej propagandy. Warszawa–Wrocław, 1977. S. 19.

[48] *Zoch W.* Neuordnung im Osten. Berlin, 1939. S. 124.

[49] *Darré R. W.* Op. cit. S. 20.

[50] *Leutsch K. Ch. von.* Markgraf Gero. Leipzig, 1828.

[51] *Fink C.* Der Kampf um die Ostmark. Berlin, 1897; *von Mueller.* Deutsche und Polen in den Ostmarken. Basel, 1898; *Witting R.* Das Ostmarken-Problem. Berlin, 1907.

[52] *Herr E.* Der Entscheidungskampf um den Boden der Ostmark. München, 1908. S. 1–2.

[53] *Хаусхофер К.* Указ. соч. С. 10, 34.

Процессы предполагаемой реколонизации вдохновлялись лозунгами о том, что «чем сильнее люди привязаны к пространству, тем выше их сила», а их угодья на Востоке являются «защитой расы»[54], хотя, по точному определению Рольфа-Дитера Мюллера, начатое после оккупации Польши строительство Восточного вала носило не оборонительный, а наступательный характер[55].

Вместе с тем понимание этого многогранного и безусловно анахронистического для своего времени конструкта лежит не только в этой плоскости. В литературе, опубликованной до начала II мировой войны, в качестве «остмарка» фигурировали и польские регионы с преобладающим немецким населением[56], и не-немецкие регионы Австро-Венгрии, населенные немцами[57]. Любопытно, что это же понятие применялось и на Западе: так, «восточной маркой» Франции именовались ее пограничные с германоязычными Фламандией и Люксембургом территории[58]. Таким образом, в широком смысле «остмарком» являлась территория с преобладающим немецким населением, которая при этом соприкасалась с условной территорией другого, не-немецкого сообщества. Встречающееся в литературе обозначение «остмарка» как крайней восточной границы Германии (польский историк Кароль Федор предлагает семантическую параллель с польскими «кресами»[59]) является в данном контексте не совсем корректным.

В годы нацизма семантика понятия изменилась — теперь под ним подразумевались не только пограничные районы, но и вообще германские эксклавы в странах Европы — например «волынский остмарк» в Польше[60]. По определению нацистской литературы, «восточная марка» в содержательном смысле — это пограничный либо изолированный район максимального продвижения немцев, служащий одновременно для дифференциации *другого* и *чужого*[61]. Феномен «остмарка» нес в себе и другую важную характеристику. В рамках национал-социалистической правовой реальности он, согласно концепциям Карла Шмитта, рассматривался в связи с понятиями «государства» и «движения» (в данном случае — на Восток) как определенное «сообщество», которое соответственно было носителем конкретного «порядка» (*Ordnung*)[62]. Упомянутые расовые категории становились «естественной данностью» этого социально-властного комплекса, а его члены присваивали себе государственное волеобразование, которое в их лице одновременно выступало как эманация личной воли фюрера.

[54] *Zoch W.* Op. cit. S. 65, 132.

[55] *Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt am Main, 1991. S. 22.

[56] *Witten M. von.* Unsere Ostmark. Lissa, 1907.

[57] Deutsche Ostmark. Bielefeld–Leipzig, 1931.

[58] *Dirr P.* Belgien als französische Ostmark. Berlin, 1917. S. v–vi.

[59] *Fiedor K.* Op. cit. S. 18.

[60] *Lück K.* Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens. Plauen, 1934. S. 442.

[61] *Beyer H. J.* Op. cit. S. 20.

[62] *Кильдюшов О. В.* Между правом и политикой: Карл Шмитт в начале 1930-х // Шмитт К. Государство: право и политика. М., 2013. С. 9, 17.

Отталкиваясь от присущего немцам «порядка», нацистский автор Курт Ферверс отмечал, что динамика «Оста» в условиях постоянного хаоса шла от неконкретности образов действия к стройной системе[63]. Германскому элементу в данной связи отводилась роль той «судьбоносной силы» (*Schicksalkraft*), которая должна была вывести Восток из состояния хаоса путем создания «нового порядка»[64]. Именно этот пароль был взят на вооружение нацистской пропагандой в ходе оккупации территории Европы в ходе II мировой войны.

Как указывал нацистский функционер Вильгельм Цох, после того как славяне заняли прародину германцев, их уже нельзя было германизировать, однако можно было германизировать землю — путем заселения ее «германским элементом»[65]. Германизацию новых территорий путем «удержания и поступательного развития» следовало вести массам колонистов с «этно-органическим мировоззрением», которые будут способны образовать «новое единство», выходящее за рамки прежнего ареала проживания немцев, и связать пограничные районы с «сердцевиной» (*Kernland*) для дальнейшей экспансии в восточном направлении[66]. Реколонизация всячески романтизировалась пропагандой, указывавшей на «притягательность и широту» земель на Востоке, которые отторгают «людей без привязанностей, вялых и слабаков», открывая простор для деятельности сильным духом и телом[67], и создают предпосылки для единения немцев всех профессий в рамках «германского культурного ландшафта»[68]. Во главу угла в ходе обретения нового пространства на Востоке ставилось расовое право «немцев по крови» (*Blutsdeutsche*)[69].

Особое значение «Ост» приобрел в преддверии нападения Германии на СССР. Новый поход на Восток характеризовался как стремление «нордической вертикали» перебороть «степную горизонталь»[70]. Один из главных официозных философов Третьего рейха, Альфред Боймлер, противопоставил «этническую и духовную сущность» немцев в виде некой «оформленной» территории «не поддающемуся упорядочению» Востоку[71]. В основе таких рассуждений лежала банальная логика: если западная граница «Оста» еще могла

63 *Fervers K.* Zeitenwende im Osten. Düsseldorf, 1941. S. 10.

64 Ibid. S. 17.

65 *Zoch W.* Op. cit. S. 9, 11. Примат земли в мировоззрении «окраинных немцев» подтвердил автору и репатриант из Данцига Дитрих Вернер Шёнкнехт во Франкфурте-на-Майне в июне 2013 г.

66 *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung // Festgabe für Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941. S. 33–34.

67 *Gerlach F.* Auf neuer Scholle. Berlin, 1941. S. 7–8.

68 *Geisler W.* Der deutsche Osten als Lebensraum für alle Berufsstände. Berlin, 1942. S. 6.

69 *Meyer H.* Der deutsche Mensch. Bd. 1. München, 1925. S. 5–7.

70 *Weinhandl F.* Deutschland und die Philosophie des Ostens // Europas Schicksal im Osten. Breslau, 1938. S. 49.

71 *Baeumler A.* Alfred Rosenberg und der Mythus des 20. Jahrhunderts. München, 1943. S. 5–6.

иметь какую-то территориальную привязку, то восточная выходила за рамки воображения[72].

Этот выход за пределы понимания границы (*Entgrenzung*), ключевая, по мнению Клемперера, установка для романтика «в нравственных поступках или преступлении»[73], сыграла с нацистами злую шутку. Уже после начала войны против СССР, по мере наступления на Восток завоеватели всё настороженнее воспринимали новые присоединенные территории — тот самый «Ост». Как вспоминал очевидец начала кампании, капитан вермахта Йозеф Ляйтгеб, чем дальше его эшелон двигался вглубь Украины, тем более смутно находившиеся в нем представляли, что их ждет впереди[74]. Военнослужащих вермахта смущали как украинские просторы и «небо будто море над ними», так и сам непривычный облик поселений[75]. Немецкий писатель Вальтер Бауэр, служивший рядовым на Восточном фронте, вспоминал впоследствии о «пыльном чужом дыхании... необозримой земли, лесов, степей и деревень»[76]. Эта необозримость красной линией проходит через дневник Бауэра. Он сравнивает земли на Востоке с могучим морем, «бесконечные волны» которого перехлестывают его; под впечатлением от «Оста» автор дневника отмечает, что невозможно достичь «сердца этой земли», так как всегда «будешь ходить лишь по краю»[77]. Украина кажется Бауэру «морем земли», а деревенька, в которой он находится,— островком в этом море[78]. Символическим выражением упомянутой безграничности стала установка указателей вроде «Калач-на-Дону — Лейпциг 3200 км» в качестве показателя настоящей безмерности восточного пространства[79].

Действительно, попытки позиционирования родных мест относительно восточных просторов даже во время войны, наряду с протяженностью, оживляли методы XVIII в., когда та или иная территория Восточной Европы воспринималась через ассоциативную связь с другими землями. Так, находившийся на Кубани зимой 1942/43 гг. военнослужащий австрийской части вермахта, пытаясь объяснить местной жительнице, где его дом, сначала говорит, что он находится в 2000 тысячах верст от тех мест, где находятся они. Видя, что она не понимает, солдат начинает объяснять, что нужно преодолеть значительное число различных областей и стран (Тамань, Крым, Украина, Румыния, Венгрия), чтобы добраться до искомой Австрии[80]. Для слушателя, никогда не покидавшего своего

[72] *Fervers K.* Op. cit. S. 22–23.

[73] *Клемперер В.* LTI. Язык Третьего рейха. М., 1998. С. 170.

[74] *Leitgeb J.* Am Rande des Krieges. Aufzeichnungen in der Ukraine. Berlin, 1942. S. 9.

[75] Ibid. S. 8, 10–11.

[76] *Bauer W.* Tagebuchblätter aus dem Osten. Dessau, 1944. S. 6.

[77] Ibid. S. 60.

[78] Ibid. S. 73.

[79] *Клемперер В.* Указ. соч. С. 169.

[80] *Hnidek L.* Sie waren 17 Jahre. Kaukasus Kuban-Brückenkopf 1943. Wien, 1947. S. 51.

района проживания, в данном случае срабатывает матрица восприятия другой местности, которую можно условно назвать «за тридевять земель», безотносительно километража.

Для объясняющего тот же сюжет носит двоякий характер. С одной стороны, попытка обозначить свою родину в условиях непонимания слушателем реального расстояния возвращает его к традиционной, порой архаичной методологии для определения пространственных взаимоотношений «Ост» и своих родных мест. С другой стороны, рассказчик подспудно стремится к той же модели, что и его слушательница — модели, где расстояние выражается не через конкретную протяженность на карте, а ментально, посредством выявления качественных отличий данной локации от привычной. Это лишний раз показывает, что на поверку «Ост» оказался для немцев неосязаемой абстрактной величиной, которую в реальности определили тревога и неустроенный быт, метко описанные самими немцами еще в военные годы[81].

* * *

История «Оста» и связанных с ним конструктов — это редкий пример столь длительного и бесплодного самоубеждения, основанного на ложной феноменологии как физического, так и ментального пространства. Рожденный в умах кабинетных исследователей и публицистов, «Ост» как таковой в значительной мере состоял из подмененных понятий и априорных суждений, при этом каждый раз отталкиваясь от актуального общественного запроса. Призванный в годы национал-социализма стать площадкой для «выстраивания широкого национального консенсуса»[82] и объединения различных социальных групп в рамках почвеннической идеологии и колониального сознания, феномен «Востока» не выполнил и толики своей функции. Кабинетные представления лишь увеличивали пропасть между тем, что реально знал уроженец восточных окраин Германии о своей родине и тем, как его родину представляли так называемые «внутренние немцы» (*Binnendeutsche*). Даже во время II мировой войны рейнские призывники видели в пополнении из Западной Пруссии людей «второго сорта»[83].

Наконец, само возникновение «Оста» на основе зачастую роковых поворотов немецкой истории является ярким выражением того, как преемственность интеллектуальной мысли может поддерживать и раз за разом воспроизводить социокультурный фантом, формирующий сознание и претендующий на роль краеугольного камня немецкой цивилизации, где зачастую конструктивным элементам государственного возрождения противостояли деструктивные.

[81] См.: *Шлёгель К.* Указ. соч. С. 44.

[82] *Mulligan T. P.* The politics of illusion and empire: German occupation policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York — Westport — London, 1988. P. 8.

[83] *Расс К.* Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте. М., 2013. С. 101.

References / Список литературы

Baeumler A. Alfred Rosenberg und der Mythus des 20. Jahrhunderts. München, 1943.

Bauer W. Tagebuchblätter aus dem Osten. Dessau, 1944.

Best W. Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung // Festgabe für Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941.

Beyer H. J. Aufbau und Entwicklung des ostdeutschen Volksraums. Danzig, 1935.

Broederich-Kurmahlen S. Das neue Ostland. Berlin, 1915.

Burleigh M. Germany Turns Eastwards. A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988.

Darré R. W. Die Grundlagen des preußischen Staatsbegriffes. Goslar, [1936].

Daya W. Aufmarsch im Osten. Dachau, 1918.

Deutsche Ostmark. Bielefeld–Leipzig, 1931.

Dirr P. Belgien als französische Ostmark. Berlin, 1917.

Fervers K. Zeitenwende im Osten. Düsseldorf, 1941.

Fiedor K. Bund Deutscher Osten w systemie antypolskiej propagandy. Warszawa–Wrocław, 1977.

Fink C. Der Kampf um die Ostmark. Berlin, 1897.

Geisler W. Der deutsche Osten als Lebensraum für alle Berufsstände. Berlin, 1942.

Gerlach F. Auf neuer Scholle. Berlin, 1941.

Hagen M. von. Imperii, okrainy i diaspory: Evraziya kak antiparadigma dla postsovetskogo perioda // Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan', 2004.

Haushofer K. O geopolitike. M., 2001.

Herr E. Der Entscheidungskampf um den Boden der Ostmark. München, 1908.

Hillen Ziegfeld A. Die Grenzen der Deutschen im Ostraum // Der deutsche Osten. Berlin, 1936.

Hnidek L. Sie waren 17 Jahre. Kaukasus Kuban-Brückenkopf 1943. Wien, 1947.

Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, 1968.

Karp H.-J. Grenzen — ein wissenschaftlicher Gegenstand // Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert. Marburg an der Lahn, 2000.

Kil'dyushov O. Mezhdu pravom i politikoi: Karl Shmitt v nachale 1930-h // Shmitt K. Gosudarstvo: pravo i politika. M., 2013.

Klemperer V. LTI. Yazyk Tret'ego reiha. M., 1998.

Kopp F. Deutschland, Europas Bollwerk im Osten: Germanische Leistungen für Europas Sicherheit. München, 1939.

Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg, 2007.

Leitgeb J. Am Rande des Krieges. Aufzeichnungen in der Ukraine. Berlin, 1942.

Leonhard K. Wie kann dem deutschen Osten geholfen werden? // Osteuropäische Zukunft. 1916. N 11.

Leus P. Arheologi Tret'ego reiha na okkupirovannyh vostochnyh territoriyah // Drevnosti Central'noi i Vostochnoi Evropy epohi rimskogo vlijaniya i pereseleniya narodov: sbornik materialov. Kaliningrad, 2008.

Leutsch K. Ch. von. Markgraf Gero. Leipzig, 1828.

Liulevicius V. G. Die deutsche Besatzung im 'Land Ober Ost' im Ersten Weltkrieg // Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert. Paderborn, 2006.

Lück K. Deutsche Aufbaukräfte in der Entwicklung Polens. Plauen, 1934.

Maschke E. Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum. Leipzig, 1933.

Meyer H. Der deutsche Mensch. Bd. 1. München, 1925.

Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt am Main, 1991.

Mulligan T. P. The politics of illusion and empire: German occupation policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York — Westport — London, 1988.

Muskate F. Die Industrialisierung des deutschen Ostens. Graudenz, 1914.

Paddock T. Creating the Russian Peril: Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester (N.Y.), 2010.

Rass K. Chelovecheskii material. Nemeckie soldaty na Vostochnom fronte. M., 2013.

Rieber A. Menyayushhiesya koncepcii i konstrukcii frontira: sravnitel'no-istoricheskii podhod // Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. Kazan', 2004.

Sammartino A. The Impossible Border: Germany and the East, 1914–1922. Ithaca (N.Y.) — London, 2010.

Schäfer Ch.L. Beyträge zur Vermehrung der Käntniß der teutschen Alterthümer. Quedlinburg, 1764.

Schneider O. Osteuropa und der deutsche Osten. Köln, 1953.

Shlyogel' K. Berlin, Vostochnyi vokzal. M., 2004.

Shnirel'man V. Arheologiya i obshchestvo — problemnye vzaimootnosheniya. Vvedenie k diskussii // Etnograficheskoe obozrenie. 2013. N 1.

Thum G. Imperialists in Panic: The Evocation of Empire at Germany's Eastern Frontier around 1900 // Helpless Imperialists. Imperial Failure, Fear and Radicalization. Göttingen, 2013.

Mueller von. Deutsche und Polen in den Ostmarken. Basel, 1898.

Weinhandl F. Deutschland und die Philosophie des Ostens // Europas Schicksal im Osten. Breslau, 1938.

Wendt G. Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken vor dem Beginne der Germanisirung. Göttingen, 1878.

Wippermann W. Der «Deutsche Drang nach Osten». Darmstadt, 1981.

Witten M. von. Unsere Ostmark. Lissa, 1907.

Witting R. Das Ostmarken-Problem. Berlin, 1907.

Wolfram E. Die germanischen Heldensagen als Entwicklungsgeschichte der Rasse. Stuttgart, 1922.

Zernack K. Osteuropa. Eine Einführung in seine Geschichte. München, 1977.

Ziesché K. Das metaphysische Problem des deutschen Ostens // Der deutsche Osten und das Abendland. München, 1953.

Zoch W. Neuordnung im Osten. Berlin, 1939.